

УДК 78.071.1(470)

ББК 85.313(2)6

H56

В книге использованы фотоматериалы
ФГУП МИА «Россия сегодня».
Для оформления обложки использованы
фотоматериалы предоставленные
Lebrecht Music & Arts/ Vostock Photo.

Нестьева, М.

H56 Сергей Прокофьев: Солнечный гений. / М. Нестьева. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320 с. : ил. — *(Музыка времени. Иллюстрированные биографии)*.

ISBN 978-5-17-099447-2

Эта книга о жизни и творчестве Сергея Прокофьева — одного из выдающихся композиторов прошлого столетия и основателей русско-советской композиторской школы. Ученик Римского-Корсакова и Лядова, он с ранних лет был ниспровергателем отживших традиций и канонов в классической музыке.

Сергей Прокофьев принадлежал к той плеяде творцов, кто создавал новую музыку по своим правилам, где каждое произведение пронизано глубиной и силой чувств собственного мироощущения.

УДК 78.071.1(470)

ББК 85.313(2)6

К ЧИТАТЕЛЮ.

Предваряющее и поясняющее

Сергей Сергеевич Прокофьев. Классик XX века. Один из основателей русско-советской композиторской школы. Великий мелодист, наверное, самый оригинальный из порожденных таким немелодичным в целом веком. Музыка его узнается с первых нот и потрясает своей жизнеутверждающей силой и красотой.

Жизнь Прокофьева полна контрастов — исполненная труда и горения, сложностей и противоречий, счастливых удач и роковых неприятий. В нем уживались беспокойство новатора с трезвостью и педантизмом делового человека, необычайная уверенность в себе с безжалостной требовательностью к своей работе, безудержный темперамент с даром самообуздания. Он постоянно играл, лицедействовал, был трепетным лириком и избегал эмоциональных преувеличений.

Пристальнее рассматривая его интересную судьбу, попытаемся понять, как из множества противоположностей родилось единство, — Сергей Прокофьев.

В беспокойную пору начала XX века, когда расцветает и мужает талант композитора, перед ним открывается множество соблазнов. Проявляется изысканный цветок «искусства для искусства», предназначенный избранным ценителям.

Безысходной мрачности символистов вторит пессимизм декаданса, рядом изящная зыбкость импрессионизма.

Однако время — социальные взрывы войны и революций требуют от художников некоего отклика. Потрясают дерзостью сатирические аллегории в последних операх маститого Римского-Корсакова. Будоражат умы экстатические прозрения музыкальных поэм Скрябина и светоносные порывы Рахманинова.

По-своему передают энергию социальных перемен в своем искусстве «молодые скифы», увидевшие в древних языческих ритуалах созвучность бурной современности. Образы варварства, культ движения, броскость красок, полнокровность жизнеощущения — все это пробуждает фантазию художников-радикалов, увлекает их мысль и чувство.

Молодой Прокофьев — в первых рядах бунтарей, наряду с Маяковским, Хлебниковым в литературе, художниками группы «Бубновый валет» в живописи, Фокиным и Нижинским в хореографии. Все они готовы разрушить сложившиеся каноны, выдвигают непривычные, дерзостно-новые «правила игры». В таком окружении появляется и формируется русский гений.

Но сейчас, когда мы пытаемся осмыслить место Прокофьева в мировой истории, правильнее говорить о нем не как о разрушителе, а скорее как о созидателе.

Склонный отражать в искусстве вечные, всегда актуальные мотивы и сюжеты — история и современность, война и мир, насилие и духовная высота — Прокофьев и собственную жизнь проживает по вечному ее кругу: Дом, Очаг; Становление, Странничества, Испытания; Возвращение, Уход, Бессмертие.

Судьба милостива к Прокофьеву всю первую половину его жизни. Но эти милости он как бы отвоевывает у нее. Композитор получает их своим самоотверженным трудом, рыцарским служением искусству, жертвами во имя музыки. Нет в его жизни водораздела — сначала принимать дары судьбы, потом их «отрабатывать». Получая, он всегда отдает, уже в юности обретая черты зрелости. Динамичность натуры, активная позиция помогают ему всегда и во всем: «Я являюсь проявлением жизни, то есть духовной силы» (15; с. 156)¹. И еще: «Я не люблю пребывать в состоянии, я люблю быть в движении» (27; с. 375). Красноречиво, не правда ли?

Моя цель — раскрыть личность Творца через круг сменяющих друг друга, повторяющихся и обновляющихся мотивов его жизни и творчества.

Теперь черед слов поясняющих. Разумеется, более прозаичных. О Прокофьеве написано довольно много хороших книг. Их авторы, как правило, пользовались одними и теми же источниками. И это абсолютно естественно и оправданно при необыкновенной литературной одаренности нашего героя, его правилам записывать и фиксировать все, что только можно записать и зафиксировать, при его объемной переписке с разными лицами и совершенно потрясающей автобиографии. Берущийся за его биографию сегодня не может пройти мимо названных источников — лучше все равно не скажешь. Поэтому в книге много цитат, много оценок музыки Прокофьева — его самого и другими крупнейшими музыкантами той эпохи.

Моя скромная задача — постараться иногда расставлять другие акценты, касающиеся и определенных периодов

¹ См. список используемой литературы. — *Прим. ред.*

жизни композитора, и роли его сочинений, при том, что если у кого-либо возникнет желание познакомиться с музыковедческим анализом этих произведений, он может обратиться к другим ценным многочисленным работам.

Некоторые пояснения по поводу отдельных глав. Мне показалась важной глава «Блудный сын», с попыткой проанализировать причины возвращения композитора в Советский Союз и мнения о том, должен ли был он это делать. Данная проблема — сложная и многосоставная — оказывается спекулятивной как в России, так и за рубежом, в том числе в наши дни. Подглавы «Прокофьев и...» намеренно помещены внутри его биографии, а не в качестве приложения, что сделано для некоторого отдыха читателя от последовательного повествования, насыщенного многими фактами, и для обобщающих моментов, более уместных в таких главах. Разумеется, можно было бы написать целые книги: «Прокофьев — Стравинский», «Прокофьев — Дягилев», «Прокофьев — Асафьев» и т.п. В своем выборе я остановилась на тех личностях, с которыми у Сергея Сергеевича были отношения наиболее длительные и плодотворные, в том числе в человеческом плане. Глава «Прокофьев — пианист» посвящена той деятельности композитора, которой он не только отдал огромную часть жизни, но и в которой достиг поистине выдающихся результатов.

И последнее. Насколько мне известно, никто не пытался как-то обобщить исполнительскую, в частности театральную, жизнь прокофьевской музыки в последние 20—30 лет. Я хочу попробовать хотя бы частично (материал огромный!) сделать это в главе «Жизнь после жизни», конечно, на доступном мне российском материале, а также материале бывших советских республик.

Глава первая Я ВЫШЕЛ ИЗ СТРАНЫ ДЕТСТВА...

Так, наверное, мог бы сказать о себе Сергей Прокофьев. Детство композитора определенно было счастливым. Редко кому из гениальных художников так повезло с детством.

Деревня, где он родился 11 апреля (23 по новому стилю) 1891 года с точным названием Сонцовка (ныне село Красное Донецкой области), навсегда одарила его энергией великого светила; и подобно тому, как лес, одевшись желтой листвой, словно отдает осенью накопленное за лето тепло, Прокофьев, заряженный мощными золотыми лучами, всю жизнь освещал ими свою музыку.

Вокруг была красота необыкновенная: весной широко раскинувшиеся пестрые ковры полевых цветов, летом — седых ковылей; попадались и невысокие курганы, памятники степных кочевников. В них можно было найти старинные утварь и монеты. Поросшие тополем, вербой и вишней вытянулись улицы села; там, где сближались речка Соленькая и Щуров ручей — а на их слиянии и находилась Сонцовка — в низине раскинулся большой сад гектаров в двадцать.

Дом, где жили Прокофьевы, стоял несколько в стороне, на возвышении, был окружен другим малым садом. Тут цвели розы, сирень, желтая и белая акации, курильский чай,

лилии, ирисы. Одноэтажный приземистый, белый с зеленой железной крышей, дом состоял из девяти комнат, не считая конторы, девичьей и кладовых. Комнаты — достаточно просторные, но с низкими потолками.

Раздолье было и для общения с животными — три конюшни, свинарник, овчарни. Казалось бы, все оборудовано с максимальной целесообразностью: кухня в отдельном здании, в обоих садах — баня, пасека, малинник и огород — заметим — с искусственным орошением.

Правда, Сонцовка была хороша весной и летом. Осенью наступала распутица, и из-за бездорожья передвижение было крайне затруднено. В декабре и январе имение и вовсе погружалось в сон. И только с приходом весны возвращалось буйное цветение.

И все же где, как не здесь, Прокофьев научился любить природу, понимать язык цветов, трав и любимых животных, уходить в священную природную обитель в самые драматические моменты жизни, ища среди тех, кто никогда не предает, отдохновение и покой.

Но... во всякой идиллии всегда находится свое но. Хотя имелись церковь и начальная школа, край, конечно, был захолустный. Железная дорога — в двадцати пяти километрах, врач и больница — в двадцати трех, почта — в восьми, причем работала только дважды в неделю, не было ни шоссе, ни достойных уровня обитателей Сонцовки интеллигентных соседей.

В такой ситуации определяющее значение приобретали взрослые, среди которых рос Прокофьев, в первую очередь, родители.

Ему чрезвычайно повезло с ними. Оба — хотя и по-разному — столкнулись с трудностями жизни не понаслышке. Отец — сын мелкого промышленника — рано лишился матери и отца, умерших от холеры, и с четырнадцати лет жил с братом

в семье своей старшей сестры Смирновой. Он не сразу нашел свое призвание после коммерческого и реального училищ, уже в университете увлекся химией и перешел в Петровско-Разумовскую академию. Агрономом стал незаурядным.

Вид у Сергея Алексеевича был неизменно серьезный: скорее всего, такой вид этому высокому мужчине с иконописным лицом, светлой бородой придавали очки. Однако, как вспоминал впоследствии сын, даже в старости отец сохранил способность смеяться безудержно, как дитя.

Мать Прокофьева, Мария Григорьевна Житкова, происходила из большой бедной крестьянской семьи. Как утверждал Прокофьев в автобиографии, его бабушка со стороны матери родилась от шведского графа Инстедта, иммигрировавшего в Россию. Таким образом, он имел одну шестнадцатую шведской крови против пятнадцати русских. Не отразилось ли это в том числе на внешности нашего русского гения?

Общительная, остроумная, всегда окруженная свитой подруг, Манюша Житкова любила руководить ими. Она не была красива, но ум и живость придавали ей особое очарование.

Пожились родители Прокофьева по любви, хотя и пришлось преодолевать препятствия: обеспеченная семья Сергея Алексеевича была против его женитьбы на бесприданнице. Сохранился выразительный документ, характеризующий и ситуацию, и характер Марии Житковой: «Я, кроме себя, к горькому сожалению, тебе ничего не даю и от тебя желаю того же. Как прежде, так и теперь повторяю, что меня не манит твое будущее богатство, мне оно противно, потому что теперь разлучает меня с тобой...» И в заключение письма парафраз из Грибоедова: «Что скажет свет? Что скажет мне про то княгиня Марья Алексеевна!» (25; с. 14)¹.

¹ См. список используемой литературы. — *Прим. ред.*

Молодые победили, свадьба состоялась. Прокофьев всегда гордился родителями: оба в своих семьях были самыми интеллектуальными. Гордиться можно было и их отношениями — прочными, надежными, уважительными, при том ни тени сентиментальности, сюсюканья.

Недолго прожив в имении Сергея Алексеевича Николаевке Смоленской области, которое дохода не приносило, а требовало лишь новых вложений, отец принял предложение помещика Сонцова, своего товарища по университету, стать управляющим в его большом хозяйстве. Сказались и чувство риска, и природная смекалка. Жизнь показала правильность принятого решения. Тем более что усилиями знающего и умелого управляющего хозяйство расцвело, стало приносить немалый доход, в том числе семье Прокофьевых. Любопытен комментарий отца, показавшего юноше-сыну доверенность Сонцова на управление имением: «Вот какую доверенность имеет твой отец и какую ты никогда никому не давай» (25; с. 19). Сонцов безоговорочно и не без оснований доверял Сергею Алексеевичу, ни во что не вмешивался. Однако в жизни встречаются не только честные люди,— хотел подчеркнуть, как всегда ненавязчиво, отец своей репликой входящему в самостоятельную жизнь отпрыску.

Просвещение, Прогресс, Наука и Культура для четы Прокофьевых означали не абстрактные понятия, а руководство к действию. Жили они довольно замкнуто, и спустя тридцать три года (именно столько пробыли в Сонцовке) их добрыми знакомцами остались лишь врач и ветеринар. Дом оживлялся большим обществом только когда приезжали родные и друзья из Петербурга или Москвы. Однако представить себе бездействующими не только целый день проводящего в трудах Сергея Алексеевича, но и Марию Григорьевну, было

невозможно. Первые годы она сама преподавала крестьянским ребятишкам в местной школе, потом оставалась попечительницей школы; кое-что понимала в медицине, а усовершенствовала знания по книгам, каждый день принимала по нескольку больных, оказывая им первую помощь.

Но, как выяснилось позже, все богатство своей незаурядной творческой натуры, все свои умения, знания, воспитательные навыки, одухотворенные необыкновенной, но не слепой любовью, Мария Григорьевна, при постоянной и деятельной помощи мужа, вложила в сына.

Он достался им трудно. Первые две девочки умерли в раннем возрасте, когда неправильно прорезались зубы. По совету подруги, мать маленького Сережу отдала кормилице, здоровой деревенской девушке. На этот раз обошлось без патологии, но примечателен комментарий взрослого Прокофьева: «...не впитал ли я с чужим молоком и некоторую жесткость характера?» (25; с. 25). Жесткость ли? Скорее прямоту и открытость нрава. Это соответствовало природе людей тех мест, юга России, — светлых, незатейливых, любящих жизнь, землю, животных. След оставило и другое происшествие, как бы протягивающее нить в будущее: мальчику три года, он кувыркается на постели отца; вдруг, слетев с постели, стучается лбом о железный сундук. Нечеловеческий рев оглашает дом! Шишка оставалась в период детства и юности, исчезла лишь к тридцати годам. Встретившийся однажды в Париже Прокофьеву художник Ларионов, потрогав шишку, выразительно произнес «А может в ней-то весь талант!» (25; с. 27).

«Мать любила музыку, отец музыку уважал. Вероятно, он тоже любил ее, но в философском плане, как проявление культуры, как полет человеческого духа» (25; с. 24). Так оценивал композитор отношение родителей к делу своей жизни.

Мария Григорьевна была музыкантшей-любительницей, она неплохо играла на рояле и в деревенской глуши могла уделять этому занятию много времени. Когда ждала появления на свет сына, играла до шести часов в день: «Будущий человечиска формировался под музыку»,— остроумно отметит сын впоследствии (25; с. 25). Интересовалась мать исключительно серьезной музыкой, и отменный вкус помог ей на первых порах руководить музыкальным воспитанием сына: от рождения он слышал сонаты Бетховена, мазурки, прелюдии и вальсы Шопена, иногда что-нибудь не особенно трудное из Листа. Что касается русских авторов, то тут преобладали Чайковский и Антон Рубинштейн.

Музыкальные склонности будущего композитора начали проявляться рано, вероятно, года в четыре. Вот типичная картина из его детства: мать за роялем разыгрывает упражнения и этюды. Она занимает преимущественно средний регистр, малышу же отводятся две верхние октавы, где он старательно выстукивает свои экспромты. Ансамбль, конечно, не был гармоничным, но вскоре мальчик сам стал подсаживаться к роялю, стремясь что-либо подобрать. Дальше больше: он не просто пытался изобразить на рояле какой-нибудь мотивчик, но затем садился за стол и рисовал что-то вроде нот, как орнамент. Постоянное лицезрение нот на пюпитре возбуждало его воображение.

Мать определенно обладала педагогическими талантами. Когда сын подошел к ней с сообщением, что написал рапсодию Листа, она сначала объяснила ему, что нельзя написать рапсодию Листа и что Лист — тот самый человек, который эту пьесу и написал. Вид записи на девяти линейках подтолкнул, однако, Марию Григорьевну к осознанию того, что маленькому сыну необходимо объяснить правила нотного письма. В пять

лет появилась первая пьеска, названная «Индийский галоп» — видно, повлияли разговоры взрослых о голоде в Индии.

В течение весны и лета 1897 года маленький композитор записал, пусть неуклюже и неаккуратно, три пьески — вальс, марш и рондо. Первые произведения ребенка были отданы опытному переписчику и сложились в альбом, на котором значилось: «Сочинения Сереженьки Прокофьева». Этот альбом содержал первые полтора года творчества делающего начальные шаги композитора.

Мало того, что родители сами презирали праздность, они привили навык к постоянному труду сыну. Однако умение обращать слово «надо» в слово «хочу» — это уже особая заслуга старших. И к музыкальному развитию рано проявившего свою одаренность сына Мария Григорьевна относилась с редкостным вниманием и тактом. Главное — стимулировать интерес и не загубить дело скучной зубрежкой. Поэтому максимальное время отводилось знакомству с новой музыкальной литературой, а упражнениям — минимум. Сначала мать сама проигрывала произведения, потом, отобрав понравившиеся, показывала сыну. После проигрывания вещи обязательно совместно обсуждались и ученику следовало объяснить, почему та или иная пьеса понравилась или не понравилась. Так не только предоставлялся большой материал для отбора, но развивалась способность чтения с листа, а также самостоятельность суждений. «В десять лет я имел собственную точку зрения на музыкальные сочинения и мог ее защищать,— признавался впоследствии Прокофьев. И добавлял: «Эта ранняя музыкальная зрелость служила гарантией тому, что я смогу справиться с грешками, когда их вредоносность станет очевидной» (25; с. 43). Имелись в виду небрежность исполнения, несовершенство техники, недоделанность деталей, словом,